

ЭНГЕЛЬС
И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ

70-5

5118 а

ЭНГЕЛЬС
И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ

Сборник статей

Ф. ЭНГЕЛЬС
И НАЧАЛО МАРКСИЗМА В РОССИИ

Ю. З. ПОЛЕВОЙ

«То, что Вы мне сообщаете о растущем интересе в России к изучению книг по теории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, по-видимому, в самом деле нашла себе убежище в России»¹.

Так писал Ф. Энгельс В. И. Засулич 6 марта 1884 г., узнав о возникновении русской марксистской группы за границей, ее деятельности по изданию научно-социалистической литературы и большом спросе на нее в России².

Отношение основоположников научного социализма к России и русскому революционному движению представляет не только исторический, но и политический интерес. Буржуазная историография давно уже фальсифицирует историю этих отношений.

Современные антикоммунисты в США пытаются доказать, будто Энгельс был не только неизменным противником России, но и «не одобрял» распространение в ней марксизма. Более того, они утверждают, что основоположник научного социализма относился с неприязнью к Плеханову и его единомышленникам за их идейную борьбу против народничества и предпочитал содружество с народниками союзу с русскими марксистами³. Эта ложь была разоблачена еще в самом начале века статьей Плеханова «Карл Маркс» (1903). «К числу злых нелепостей, распространившихся насчет Маркса, — писал Плеханов, — принадлежит сказка о том, что автор «Капитала» относился враждебно к русским. На самом деле он ненавидел русский царизм, всегда игравший гнусную роль международного жандарма, готового давить всякое освободительное движение,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 104.

² См. там же.

³ См. подробнее статью автора данной работы «Объективность по стандартам некоммунистического мира (По поводу рецензии г-на Пайпса)». — «История СССР», № 4, 1962, стр. 210—212.

где бы оно ни начиналось»⁴. Далее Плеханов приводил многочисленные факты глубокого сочувствия Маркса и Энгельса к освободительной борьбе в России и их дружбы со многими русскими революционерами. Плеханов при этом коснулся и отношения Энгельса к появлению марксистского направления в России. «Когда издания группы «Освобождение труда», — писал далее Плеханов, — положили начало распространению социал-демократических идей между русскими революционерами, Энгельс в письме к В. И. Засулич выразил сожаление о том, что это произошло не при жизни Маркса, который, по его словам, радостно приветствовал бы литературное предприятие этой группы»⁵.

Освещение хотя бы важнейших моментов отношения Энгельса к появлению первых марксистских групп в России и к их теоретической и практической деятельности представляет поэтому принципиальный интерес.

Когда Маркс и Энгельс обсуждали в 40—50-х годах вопрос о революционных и социалистических перспективах России, в ней еще не существовало сколько-нибудь реальной революционной силы. Но чем дальше шло историческое развитие, тем чаще великие учителя коммунизма обращали свой взор на восток Европы. При их жизни Россия дважды переживала революционные ситуации, которые хотя и не завершились революциями, но свидетельствовали о глубоких противоречиях внутри страны, о громадной потенциальной революционной энергии, таящейся в ее народе. Поддерживая борьбу русской революционной демократии против царизма с момента ее появления, Маркс и Энгельс вместе с тем положили начало научной критике народнического социализма. Их критические выступления против герценовской доктрины «русского социализма», в особенности их многолетняя острая борьба с анархизмом Бакунина, выступления Энгельса против Ткачева и эклектизма Лаврова сыграли крупную роль в критике народничества первыми русскими марксистами. Энгельс стоял у колыбели марксизма в России. Его критика народничества имела важные последствия для развития русской марксистской мысли. Однако в момент ее зарождения отношения между Энгельсом и ее представителями не сразу установились.

В условиях отсутствия в стране широкого народного движения самой боевой реальной силой революционной ситуации конца 70-х годов было народничество. Героические попытки горстки революционеров свалить самодержавие, общий подъем демократического движения вселяли в Маркса и Энгельса уверенность в близости политического переворота в России, от которого они ждали толчка к общеевропейской революции. Отсюда глубокая симпатия и всемерная поддержка народников.

⁴ Г. В. Плеханов. Соч., т. XII. М., 1924, стр. 326.

⁵ Там же, стр. 327—328.

Если по отношению к народникам Маркс и Энгельс проявили глубокое сочувствие, то их отношение к «чернопередельцам», которые оставались на позициях бакунизма, было далеко не благожелательным. Подозрительность особо проявилась у Маркса и Энгельса к заграничной группе чернопередельцев во главе с Плехановым⁶.

Резко отрицательное отношение к женевской группе «Черного передела» Маркс, в частности, высказал в письме от 11 апреля 1881 г. к своей старшей дочери Женни Лонге⁷. Вероятно, Маркс в этом вопросе руководствовался сведениями близко знакомого ему народника Л. Н. Гартмана, который односторонне информировал его о женевской группе. В действительности, в 1881 г. Плеханов уже фактически отошел от прежней полубакунистской программы «Черного передела». Он переживал тогда сильное влияние «Манифеста Коммунистической партии», к переводу которого на русский язык вскоре приступил. Из его переписки с П. Лавровым видно, что он тогда уже стал делать серьезные шаги в сторону марксизма⁸.

Энгельс, как и Маркс, не мог знать о начавшемся переходе группы Плеханова на позиции марксизма до ее открытого заявления о разрыве с народническими взглядами и образования самостоятельной социал-демократической организации.

Из письма Засулич Марксу от 16 февраля 1881 г. еще трудно было уловить начавшуюся эволюцию взглядов от народнического социализма к научному⁹. Зато явным признаком поворота к нему были «Несколько слов от переводчика», написанные Плехановым в начале 1882 г. к переведенному им «Манифесту». Плеханов уже понял, что «вместе с другими сочинениями его авторов «Манифест» открывает новую эпоху в истории социалистической и экономической литературы — эпоху беспощадной критики современных отношений труда к капиталу и чуждого всяких утопий научного обоснования социализма»¹⁰.

Издание «Манифеста» на русском языке было призвано, по его мнению, предостеречь русских революционеров как от анархизма, так и от либерализма. Будущее революционного движения он видит в применении к России учения Маркса об исторической роли рабочего класса. «От организации рабочего класса и непрерывного выяснения ему «враждебной противоположности» его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения...»¹¹

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, стр. 380; см. также т. 35, стр. 147.

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 147.

⁸ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I. М., 1940, стр. 206, 208, 210.

⁹ См. «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия». М., 1967, стр. 434—435.

¹⁰ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, стр. 23.

¹¹ Там же, стр. 24.

Напомним, что Маркс в это время болел и предисловие к русскому переводу было написано в основном Энгельсом. Плеханов, настаивая на этом переводе, писал Лаврову: «Что касается до предисловия к «Манифесту», то ведь его мог бы написать и Энгельс. Он такой же автор Манифеста, как и Маркс, и, кажется, совершенно здоров и по настоящее время. Как Вы думаете, не обратиться ли к нему? Право, было бы очень и очень хорошо»¹².

Переписка по поводу русского перевода «Манифеста» продолжалась между Марксом и Лавровым. 23 января 1882 г. Маркс сообщил Лаврову о посылке ему предисловия к русскому изданию¹³. В этом же письме Маркс сообщил о предстоящем отъезде на лечение, и в дальнейшем переписка велась между Энгельсом и Лавровым. 1 июня 1882 г. П. Лавров сообщил Энгельсу о высылке ему двух экземпляров русского издания «Манифеста» — одного для Маркса, другого для него — Энгельса¹⁴.

Энгельс ответил на эту посылку 31 июля, т. е. через 2 месяца, мотивируя тем, что он не мог ему писать, ничего не сообщая о Марксе, который находился на лечении.

Переписка между Плехановым и Лавровым, а также Лаврова с Марксом и Энгельсом не оставляет сомнения в большом интересе, проявленном основоположниками научного социализма к русскому переводу «Манифеста Коммунистической партии».

Написанное ими специальное предисловие к русскому изданию имело своей целью морально поддержать русских революционеров, громадное большинство которых надеялось на самую близкую победу над царизмом.

Вместе с тем «Несколько слов от переводчика» — предисловие Плеханова к «Манифесту» было серьезным симптомом идейных сдвигов в русском революционном движении. Женевская группа чернопредельцев не только признала необходимость политической борьбы, но и проявила тенденцию к коренному разрыву с народническим социализмом. Все это должно было сблизить Маркса и Энгельса с этой группой.

Окончательное оформление этой группы в самостоятельное социал-демократическое направление произошло через полгода после смерти Маркса. Не удивительно, что вскоре после своего идейного и организационного разрыва с народничеством она приняла попытку обращения к Энгельсу.

В. И. Засулич, уже известная Энгельсу по ее письму Марксу, обратилась к нему 13 ноября 1883 г. с письмом, в котором просила разрешение на русский перевод второго тома «Капитала». «Одновременно, — сообщала Засулич, — посылаю Вам наше объявление, которое разъяснит Вам, какие цели ставит перед собой наша

¹² «Дела и дни». Пг., 1921, книга вторая, стр. 91—92.

¹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 213.

¹⁴ См. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, стр. 465.

группа, а также перевод «Наемного труда и капитала» Маркса. Мой перевод «Развития социализма» в настоящее время печатается»¹⁵.

Напомним, что объявление «Об издании «Библиотеки современного социализма»» было первым программным заявлением группы «Освобождение труда», в котором члены ее открыто провозгласили, что они ставят своей целью:

1. Распространение идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, а также литературных выступлений самих членов группы в духе марксизма.

2. Критику учения народнического социализма, разработку важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения марксизма¹⁶.

Посылая Энгельсу свой первый программный документ, пионеры марксизма в России стремились выяснить отношение великого друга Маркса к самому факту образования первой русской марксистской организации.

Свою работу «Социализм и политическая борьба», написанную летом 1883 г., Плеханов не решился сразу послать Энгельсу. Ему было известно отношение Маркса и Энгельса к народолюбцам, деятельность которых он подвергал в этом произведении решительной критике. Члены группы не без основания опасались, что резкая критика «Народной воли», открытое признание факта вступления России на путь капитализма будет воспринято не только как вызов по отношению ко всем течениям народничества, но и как бестактность по отношению к Марксу и Энгельсу. Ведь за год до этого в предисловии к русскому переводу «Манифеста» они заявили, что для России при определенных условиях не исключен некапиталистический путь развития¹⁷. Поэтому Плеханов, видимо, не ожидал одобрения этой своей работы, одно появление которой знаменовало собой раскол в русском революционном лагере. Не забудем, что главными информаторами Энгельса по вопросам русского революционного движения были в то время П. Л. Лавров, Г. А. Лопатин, Л. Н. Гартман.

13 ноября 1883 г. Энгельс в ответ на известие из Цюриха от редакторов издававшегося там органа немецкой социал-демократии «Sozialdemokrat» о выходе в свет работы Плеханова «Социализм и политическая борьба» писал: «Брошюру Плеханова мне не прислали, а прислали только «Манифест» и «Наемный труд и капитал».

Тем не менее, ознакомившись с написанным Плехановым объявлением «Об издании «Библиотеки современного социализма»», Энгельс писал 13 ноября 1883 г. Эд. Бернштейну в Цюрих: «Нашему другу Лаврову, наверное, было нелегко подписываться под тем,

¹⁵ Там же, стр. 489.

¹⁶ См. «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, стр. 29.

¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 305.

что он и его русские друзья теперь «окончательно порвали со своими анархическими традициями»... Впрочем, он очень славный старик, но со своей «русской молодежью» он всегда оказывается в роли курицы, которая высидывает утиные яйца и потом с ужасом видит, что утята лезут в страшную воду»¹⁸. Эта остроумная аналогия как нельзя лучше подходит к итогам деятельности Лаврова, который, знакомя «русскую молодежь» с западноевропейским рабочим движением, в то же время стремился удержать ее на позициях народничества. Вместе с тем это письмо Энгельса показывает, что он не совсем точно знал к этому времени действительное положение вещей, полагая, что Лавров подписался под этим заявлением. В тот же день Энгельс отправил письмо В. И. Засулич, в котором объяснил невозможность дать сразу ответ на предложение группы об издании ею второго тома «Капитала», приветствовал ее деятельность по переводу и изданию работ Маркса и его. «Мне доставило большое удовольствие, — писал он Засулич, — Ваше сообщение, что именно Вы взяли на себя перевод моего «Развития и т. д.». Жду с нетерпением появления Вашего труда и вполне ценю честь, которую Вы мне оказываете. Примите, дорогая и героическая гражданка, уверения в моей глубокой преданности. Ф. Энгельс»¹⁹.

Из этого и других писем Энгельса Засулич видно, как высоко он ценил инициативу первой русской марксистской группы по переводу и изданию произведений Маркса и его, Энгельса, трудов и с каким уважением он относился лично к ней. В ответ на просьбу Засулич от имени своей группы разрешить перевести на русский язык «Нищету философии» Энгельс писал: «Для меня и для дочерей Маркса будет праздником тот день, когда появится в свет «Нищета философии» в русском переводе»²⁰.

Энгельсу было известно о намерении Засулич перевести на русский язык его работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства», о подготовляющемся Плехановым издании его труда «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» и других работ Маркса и его.

Энгельса не могло не порадовать то, что эта маленькая кучка русских социалистов, находясь в тяжелых материальных условиях, развернула энергичную деятельность по переводу и изданию марксистской литературы. Из программных заявлений группы было очевидно, что эта деятельность по своим целям принципиально отличалась от тех изданий их трудов, которые были осуществлены народниками.

Несмотря на отсутствие у Энгельса точной информации о состоянии русского революционного движения и на переоценку им революционных возможностей народничества, он все более сближал-

ся с женевской группой русских марксистов. Этому сближению содействовала не только ее собственная деятельность, но и положительное отношение к ней деятелей французской социалистической рабочей партии Ж. Геда, П. Лафарга, особенно деятелей немецкой социал-демократии, а в частности редакторов издававшегося в Цюрихе центрального органа немецкой социал-демократии «Sozialdemokrat». Тем не менее до появления книги Плеханова «Наши разногласия» он не высказывал своего отношения к антинародническим выступлениям Плеханова и к той буре, которую они вызвали в народническом лагере. Плеханов решил через Засулич просить Энгельса сообщить свое мнение по этому поводу.

Не отважившись послать сразу Энгельсу свою первую марксистскую работу «Социализм и политическая борьба», Плеханов вскоре после выхода в свет книги «Наши разногласия» послал ему дарственный экземпляр. В письме из Женевы от 14 февраля 1885 г. В. И. Засулич писала Энгельсу: «Одновременно с этим письмом Вы получите от автора нашу новую публикацию: «Наши разногласия». Мы очень хотели бы знать Ваше мнение об этой книге. Ее основной темой является все тот же сакраментальный вопрос: усилия русских людей найти самостоятельные пути для развития своей родины»²¹. Далее Засулич, предупреждая Энгельса, что работа Плеханова «безусловно вызовет целую бурю», поскольку она нападает на господствующую доктрину — «народничество», прямо заявила о бессилии народолюбцев в борьбе с царизмом и начавшемся разочаровании ими в среде «мыслящей молодежи»²².

Это письмо ставило Энгельса в несколько сложное положение, ибо надо было либо признать вслед за группой «Освобождение труда» полный крах «Народной воли» и ее надежды на возможность скорой революции в России в результате ее героической борьбы с царизмом, либо остаться при прежних взглядах на перспективы русской и западноевропейской революции.

Основной упрек как русских, так и зарубежных социалистов по адресу Плеханова и его группы состоял в том, что она своей резкой критикой народолюбчества и вообще народничества раскалывает революционный лагерь и тем самым ослабляет его, что на руку царизму. Есть основание полагать, что эти доводы не могли не оказать влияние и на Энгельса. Однако в письме к Засулич Энгельс, отвечая на просьбу высказаться по поводу книги Плеханова «Наши разногласия», дал высокую оценку значения появления первой русской марксистской организации. «Прежде всего, повторяю, я горжусь тем, — писал он, — что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильскими традициями своих

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 64.

¹⁹ Там же, стр. 62.

²⁰ Там же, стр. 104.

²¹ «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 508.

²² См. там же.

предшественников. И сам Маркс был бы также горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России»²³.

Тем не менее нельзя не отметить, что Энгельс, с одной стороны, Плеханов и другие члены группы «Освобождение труда» — с другой, в 80-е годы XIX в. по-разному оценивали перспективы русской революции и состояние реальных революционных сил, а следовательно, и ближайшие задачи русского революционного движения. Страстно ожидая революцию в России в течение многих десятилетий и верно вместе с Марксом предсказав ее неизбежность и мировое значение, Энгельс ошибался в конкретных сроках.

В плане большой исторической перспективы Энгельс был безусловно прав насчет неизбежности революции в России и ее величайшего значения. Но месяцы и годы ее приближения оказались, по словам Ленина, «очень и очень длинными. Нет сомнения, — продолжал Ленин, — что найдутся филистеры, которые, нахмутив лоб, наморщивши чело, резко осудят «революционаризм» Энгельса или снисходительно посмеются над старыми утопиями старого революционера-эмигранта.

Да, много ошибались и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции, в надеждах на победу революции... Но *такие* ошибки гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копеечных задач, — в тысячу раз благороднее, величественнее и исторически ценнее, правдивее, чем пошлая мудрость казенного либерализма, поющего, вопиющего, взывающего и глаголющего о суете революционных сует, о тщетности революционной борьбы, о прелести контрреволюционных «конституционных» бредней...»²⁴.

Но для русских марксистов вопрос о степени близости русской революции имел в конкретных условиях конца XIX в. принципиальное значение. От него зависели характер и направление всей их теоретической и практической деятельности. Либо революция дело ближайших месяцев и тогда следует и дальше исходить в своей программе и тактике из возможности революции без разрывного рабочего движения, без рабочей социал-демократической партии в России и держать курс на народофильское движение, на тактику единороства революционной интеллигенции с царизмом, которая послужит «толчком» к народной революции, либо следует признать, что непосредственная революционная ситуация сменилась политической реакцией, что после 1 марта 1881 г. условия для близкой революции надолго исчезли со всеми вытекающими отсюда последствиями.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 260.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 248—249.

Энгельс, не располагая в достаточной мере конкретными данными, имея своими информаторами находившихся в близких отношениях с ним П. Лаврова, Г. Лопатина, которые односторонне, субъективно расценивали экономическое развитие и политическое положение страны, не мог так просто отказаться от мысли, что он еще при жизни увидит гибель ненавистного царского самодержавия — важнейшего оплота европейской реакции.

Понимание послемартовского периода оказалось, таким образом, сложным не только для большинства деятелей революционного движения в России, но и для Энгельса. Требовалось некоторое время, чтобы разобраться в тех существенных конкретных изменениях в политической обстановке, которые произошли после 1 марта 1881 г.²⁵

Объясняя мотивы затруднения дать положительный ответ на вопрос о переводе группой «Освобождение труда» на русский язык второго тома «Капитала», Энгельс 13 ноября 1883 г. писал Засулич: «С другой стороны, политическое положение в России настолько напряженное, что наступление кризиса можно ждать со дня на день. Я даже считаю вероятным, что в России свободы печати добьются прежде, чем в Германии. А в этом случае переводчик первого тома Г. Лопатин мог бы претендовать на право перевода второго тома»²⁶.

Не менее категорично Энгельс повторял мысль о самой близкой возможности государственного переворота в России в письме к Засулич от 23 апреля 1885 г. Энгельс при этом оговаривался, что недостаточно знает современное положение в России. Вместе с тем в этом же письме продолжал, что ожидаемая им революция «может разразиться каждый день»²⁷.

Энгельс соглашался с Плехановым в иллюзорности представления народофильцев, что они смогут захватить власть и удержать ее для социалистических преобразований, но считал важным толчок к революции. «Пусть только, — продолжал Энгельс — они положит конец их иллюзиям. Но если бы случилось так, что эти иллюзии придали бы им большую силу воли, стоит ли на это жаловаться? Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, — что *сделанная* революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели»²⁸.

Характерно также, что при общей высокой оценке факта появления группы русских марксистов Энгельс не стал обсуждать

²⁵ Подробнее об этом см. в статье В. А. Твардовской.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 61—62.

²⁷ Там же, стр. 260.

²⁸ Там же, стр. 263.

конкретные проблемы социально-экономического положения в России и задачи русских социалистов, поставленные Плехановым в «Наших разногласиях», ссылаясь на слабое знание русских условий. По вопросу же о политическом положении в России и революционных возможностях народофильского движения взгляд Энгельса оказался в некотором противоречии со взглядами группы «Освобождение труда».

Получив это письмо, В. И. Засулич сразу в конце апреля 1885 г. решила ответить на него. Сохранился неоконченный вариант ответа. Засулич косвенно возражала Энгельсу, стремясь убедить его в том, что в России сейчас установилась политическая реакция, исключая успех боевой деятельности народофильцев. «Близка или не близка революция в России,— писала она,— все равно мы можем воздействовать только на подлинно революционные элементы, из которых рекрутируются наши заговорщики, наши тайные общества. Так вот, для этих элементов настоящий момент не есть момент прямого действия, охоты за царем. Может быть, этот момент продлится всего 2—3 года, но сейчас даже самый ярый из бланкистов не мог бы и не может делать ничего другого, как только заниматься пропагандой»²⁹.

Далее Засулич объясняла причины. Она указала на разгром старых опытных кадров народофильцев и отсутствие пока новой смены, а главное — на идейный крах народничества, рост в кругах революционной молодежи сомнения в главных его устоях. «У большинства,— писала она,— все поставлено под сомнение, не исключая всемогущества динамита, захвата власти и даже самой сельской общины.

И не наша вина или заслуга в этом возрождении интереса к вопросам, которые считались навеки решенными, с тех пор как началась террористическая борьба. Гораздо раньше, чем наши брошюры проникли в Россию, это идейное колебание уже давало себя чувствовать очень сильно...»³⁰ Хотя Засулич несколько преувеличила степень разочарования молодежи в народофильском социализме к 1885 г., но в оценке идейного разброда внутри народничества она была близка к истине. Письмо Засулич осталось неотправленным. Переписка между группой «Освобождение труда» и Энгельсом прервалась почти на целый год. Возобновил ее Энгельс благодарностью за полученный им русский перевод «Ницеты философии» Маркса. В этом письме от 31 марта 1886 г. Энгельс просил Засулич прислать ему точный адрес для посылки ей русского перевода второго тома «Капитала», выполненного Н. Ф. Даниельсоном³¹.

В ответном письме Засулич (апрель 1886 г.) интерес представляет объяснение ею причин перерыва переписки с Энгельсом.

«Прошло уже около года,— писала она,— с тех пор, как я получила Ваше письмо по поводу «Наших разногласий». Эта тема так интересовала меня, что я в ту же минуту села писать Вам ответ. Будучи не совсем согласной с Вашим мнением и желая обосновать свои возражения, я быстро заполнила несколько листов. Когда это было сделано, моя совесть подсказала мне, что Ваше время слишком дорого, чтобы растрчивать его таким образом, что у Вас есть «дела поважнее», чем вести продолжительные беседы со мной. Под влиянием этого укора совести я разорвала свое письмо.

С тех пор я несколько раз пробовала написать Вам лишь несколько слов, чтобы подтвердить получение Вашего письма, но мне не удавалось этого сделать: каждый раз я углублялась в тему и вновь становилась болтливой!

Поэтому Ваше письмо так и осталось без ответа»³².

Энгельс, хотя и осторожно, однако все же не исключал и во второй половине 80 — начале 90-х годов возможность революционного кризиса в России. Покушение Александра Ульянова и его товарищей на жизнь царя Александра III 1(13) марта 1887 г. вновь возбудило у Энгельса надежды на непосредственную близость революции в России. В письмах к Ф. А. Зорге и другим Энгельс неоднократно высказывал свое убеждение в этом³³.

Вопрос о близости революции в России был неразрывен с вопросом об отношении к народофильцам. Вот почему деятелей рабочего движения Западной Европы не радовала на первых порах острая борьба Плеханова против народничества. «По правде говоря,— писал Плеханов,— наша борьба против бакунистов вызывала иногда опасения даже среди западных социал-демократов. Они находили ее несвоевременной. Они боялись, что наша пропаганда, вызвав раскол в революционной партии, ослабит энергию ее борьбы против правительства»³⁴. Плеханов здесь не точен. Речь шла не о бакунистах, а о народофильцах. Но опасения, что раскол в лагере русских революционеров ослабит борьбу с царизмом, действительно имели место. Для Плеханова же и его единомышленников после 1 марта и особенно к 1885 г. была ясна бесперспективность тактики политического террора, слабость народофильской организации, потеря ею боеспособности, отсутствие притока новых сил, растущее разочарование в основных устоях революционного народничества. В. И. Засулич, а затем Г. В. Плеханов стремились доказать это Энгельсу почти в каждом письме.

Письма В. И. Засулич и особенно книга Плеханова «Наши разногласия» привлекли пристальное внимание Энгельса. Об интересе Ф. Энгельса к книге Г. В. Плеханова «Наши разногласия» говорит его письмо к Лауре Лафарг от 8 марта 1885 г. Сообщая о большой

²⁹ «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 515.

³⁰ Там же, стр. 516.

³¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 399.

³² «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 536.

³³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 536, 540, 542, 544.

³⁴ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, стр. 91.

перегруженности работой, он между прочим писал: «Кроме того, надо еще редактировать переводы..., расшифровывать русские брошюры (Вера Засулич прислала мне полемическую брошюру Плеханова против Лаврова и Тихомирова и хочет узнать мое мнение, к тому же эти русские споры небезынтересны)...»³⁵. Этот отрывок из письма показывает, что и Лафаргам было известно о существовании группы «Освобождение труда» и ее деятельности. О Vere Засулич и Плеханове Энгельс упоминает как о людях, уже до этого известных им, также как Лавров и Тихомиров. Раскол в русском революционном лагере и идейная борьба между Плехановым, его единомышленниками и народовольцами, видимо, не были новостью для Лафарга и дочерей Маркса.

Знакомство Энгельса с работой Плеханова «Наши разногласия» и «дискуссия» с Засулич по вопросу о политическом положении России после 1 марта имели важные последствия для более конкретного изучения Энгельсом русской действительности. Фундаментальные данные Плеханова о развитии капитализма в России, распаде сельской общины, его анализ причин неудачи народовольчества и всего революционно-народнического движения, первые успехи идей марксизма в России сделали очевидным и для Энгельса своевременность выступления Плеханова и его единомышленников против народничества.

Приведенные Плехановым данные о развитии крупной капиталистической промышленности и росте русской буржуазии, о процессах разложения сельской общины и расколе крестьянства использовались Энгельсом в его высказываниях о социально-экономическом развитии. Следы влияния работ Плеханова по вопросам экономического и политического положения России мы находим в произведениях Энгельса «Голод в России» (1892), «Послесловие» к работе «О социальном вопросе в России» (1894), в его переписке с В. И. Засулич, Н. Ф. Даниельсоном и другими русскими деятелями, а также в письмах к деятелям западноевропейской социал-демократии.

В 1890 г. Энгельсу исполнилось 70 лет. Первая группа русских марксистов решила отметить эту знаменательную дату и приступила к написанию его биографии. Эта почетная работа была поручена В. И. Засулич, но не была завершена. Группа не решилась выступить со специальной статьей по поводу юбилея Энгельса. Этот великий революционер и ученый был необыкновенно скромным человеком, ему претили почести и возвеличивание его имени. В ответ на одно из писем Плеханова Энгельс написал ему: «Прежде всего прошу Вас перестать величать меня «учителем». Меня зовут просто Энгельс»³⁶.

Плеханов посвятил юбилею Энгельса часть большой статьи «Иностранное обозрение за 1890 г.», опубликованной в сборнике «Со-

циал-демократ». В ряду крупнейших событий международного рабочего социалистического движения этого года он обратил внимание русского читателя на значение этого знаменательного юбилея. «В нынешнем году, в этом году побед и успехов, пролетариат отпраздновал семидесятый день рождения своего учителя — Фридриха Энгельса. В настоящее время, — писал Плеханов, — нет человека, который мог бы сравняться с Энгельсом своими заслугами по отношению к пролетариату. Не помним уже кем замечено было, что написать биографию Энгельса значит написать историю рабочего движения новейшего времени. Это верно, но этим не все еще сказано. Написать биографию Энгельса значит написать также главу из истории человеческой мысли новейшего времени, — очень интересную и глубоко поучительную главу. Вместе с Марксом Энгельс был родоначальником научного социализма, т. е. целой философской системы... Научный социализм есть не только величайшая — а лучше сказать единственная, заслуживающая этого имени — философская система нашего времени. Его появление знаменует собою в высшей степени важный поворот в истории человеческой мысли вообще»³⁷. Плеханов выяснял сущность этого поворота. Главное он видел в том, что «прежде движение мысли не имело почти ровно ничего общего с движением *народных масс*... Только трудами Маркса и Энгельса установлено было, наконец, полное согласие между *научным пониманием* действительности, с одной стороны, и *революционным отрицанием* ее — с другой»³⁸.

Плеханов дал общую оценку славного пути теоретической и практической деятельности, пройденного Энгельсом совместно с Марксом, и роли его в международном рабочем движении после смерти своего великого друга. «Марксизм, — писал далее Плеханов, — бывший в половине сороковых годов не более как *теорией*, известной *самому небольшому кружку* избранных, является теперь непобедимой *политической силой*, а сторонники его считаются миллионами. В этом-то и заключается замечательная особенность нашего времени...

Мы надеемся, — заключал Плеханов, — что еще долго проживет Фридрих Энгельс, служа пролетариату своею редкою опытностью, своими колоссальными знаниями и своим несравненным литературным талантом. Мы надеемся также, что близко то время, когда в каждом значительном русском городе будут существовать многочисленные рабочие кружки, умеющие оценить заслуги великого социалиста»³⁹.

Это были вещие слова. К середине 90-х годов в России действительно не было сколько-нибудь значительного города по всей необъятной российской империи, где не было бы последователей учения Маркса и Энгельса. Большая заслуга в этом была не только русских

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 36, стр. 246.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 209.

³⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. IV, М., 1922, стр. 93.

³⁸ Там же, стр. 93—94.

³⁹ Там же, стр. 96, 97.

марксистов, но и самого Энгельса, который во многом помог развитию марксистской мысли в России.

В тесном сотрудничестве Энгельса с первым поколением русских марксистов немалое значение имело личное знакомство Энгельса с Плехановым, Засулич, Аксельродом и другими русскими социал-демократами.

С момента возникновения русская социал-демократия считала себя частью интернационального рабочего социалистического движения. Естественно, что ее представители были кровно заинтересованы в том, чтобы деятели международного пролетариата считали не народовольцев, а именно их представителями русского революционного движения. В этом поддержку оказал им Ф. Энгельс.

К концу 80-х годов созрели условия для создания нового международного товарищества рабочих. Было решено созвать международный социалистический конгресс и положить на нем начало новому объединению социалистов всех стран — II Интернационалу.

Роль Энгельса в созыве этого конгресса, в обеспечении победы на нем марксистского направления общеизвестна. Конгресс был созван в обстановке острой борьбы между марксистским крылом в рабочем движении и их противниками. Энгельс в связи с этим требовал срочного опубликования объявления о созыве конгресса 14 июля 1889 г. от имени представителей социалистического движения разных стран. В связи с этим П. Лафарг — один из главных организаторов конгресса — обратился к жившему в Париже П. Лаврову, но Лавров, видимо, уклонился от подписи. Энгельс тогда рекомендовал Лафаргу воспользоваться подписью представителя группы «Освобождение труда». В письме от 27 мая 1889 г. он писал Лафаргу: «Так как Лавров ломается, то обратитесь по адресу:

Н. Аксельрод, кефирное заведение,
Hirschengraben, Цюрих

и попросите достать Вам подписи Веры Засулич (поскольку у Вас нет ее адреса), его собственную, а также Г. Плеханова и других русских марксистов. То-то будет изумлен наш бравый эклектик!»⁴⁰

Между тем извещение необходимо было издать немедленно, и 1 июня 1889 г. оно было подписано в числе других Кравчинским. Из русских политических эмигрантов-народников Кравчинский более объективно информировал Энгельса о деятельности группы «Освобождение труда». Подписав от имени России извещение о созыве международного рабочего социалистического конгресса, он обратился к группе «Освобождение труда» с предложением, чтобы она выдвинула своего делегата. Сам он считал желательным участие в конгрессе Г. В. Плеханова.

То, что заграничная группа русских марксистов была численно очень небольшой, то, что она только идейно могла представить

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 185.

зарождавшееся русское рабочее социалистическое движение и что она формально не имела официального полномочия от социал-демократических групп в России — все это не могло стать преградой ее участию в международном конгрессе. Участие в нем она считала очень важным прежде всего потому, что это давало возможность с трибуны международного форума провозгласить появление на Руси рабочего класса и рабочего движения и познакомить социалистов других стран с теми задачами, которые оно в лице своих представителей — русских социал-демократов — себе ставит.

Плеханов, кроме письма Кравчинского из Лондона, где последний часто виделся с Энгельсом, получил письмо от Лафарга, о чем он незадолго до открытия Парижского конгресса писал В. И. Засулич: «Он (Лафарг. — Ю. П.) настаивает на том, чтобы я приехал на конгресс: ce sera une réponse à la trahison de Tikhomiroff (это будет ответом на предательство Тихомирова. — Ред.). Если, говорит он, у вас не хватит денег на обратный проезд, мы достанем, приезжайте голько»⁴¹.

Можно предположить, что мотив приглашения на конгресс, кроме Лаврова и Плеханова, чтобы таким путем ответить на предательство Тихомирова, которое царское правительство стремилось использовать для дискредитации в глазах общественного мнения Европы русского освободительного движения, был подсказан Лафаргу Энгельсом.

В то время западноевропейские социал-демократы продолжали считать Россию страной, где борьба рабочего класса еще не скоро станет крупнейшим фактором общественного движения. Многие влиятельные деятели, по-прежнему ожидавшие скорой революции в России, считали несколько преждевременным раскол в среде русских революционеров и начавшуюся борьбу между русскими социал-демократами и народниками. Плеханов не случайно начал свое выступление на конгрессе следующими словами: «Вам может быть странно видеть на этом рабочем конгрессе представителей России, — России, где рабочее движение до сих пор, к сожалению, слишком слабо. Но мы думаем, что революционная Россия во всяком случае не только не должна держаться в стороне от новейшего социалистического движения Европы, но что, наоборот, теперешнее сближение ее с ним принесет большую пользу делу всемирного пролетариата»⁴².

Полемизируя с представителями революционного народничества, Плеханов заявил, что сила героев-одиночек достаточна для борьбы против личностей, представляющих самодержавие, но слишком мала для борьбы с царизмом, как политической системой. Наша задача, — продолжал Плеханов, — распространять учение социал-демократии среди русских рабочих. «Революционное движе-

⁴¹ «Группа «Освобождение труда» (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча)», сб. 3. М.—Л., 1925, стр. 239.

⁴² Г. В. Плеханов. Соч., т. IV, стр. 53.

ние в России может восторжествовать только как *революционное движение рабочих*», или же никогда не восторжествует⁴³.

Делегаты конгресса бурными овациями приветствовали краткое, но яркое и содержательное выступление русского марксиста.

Энгельс не присутствовал на конгрессе, но он внимательно следил за ним. Ему, несомненно, была известна и речь Плеханова.

Вскоре после окончания работы конгресса Плеханов и Аксельрод отправились в Лондон для личной встречи с Энгельсом. Плеханов давно мечтал о такой встрече с великим другом Маркса. За четыре года до личной встречи с ним Плеханов весело писал Аксельроду летом 1885 г., в дни их общих крайне тяжелых материальных и моральных лишений в эмиграции: «Не поддавайтесь унынию, право же мы еще расцветем и поедем с Вами в Лондон, чтобы явиться по начальству. Само собою разумеется, что предварительно расплатимся с долгами, а то Фридрих Карлович может поставить нам на вид, что если собственность не есть кража, то тем более кража не дает права собственности на похищенные (или взятые в долг) продукты...»⁴⁴.

Находясь уже в Париже на конгрессе, Плеханов не был уверен, что посетит Энгельса. «Я теперь в Париже,— писал он в 20-х числах июля 1889 г. Кравчинскому,— страшно устал; сегодня кончился Конгресс. Несколько дней я хочу остаться в Париже для осмотра выставки. Вас хотелось бы мне видеть всем сердцем, а Энгельса всей головой, но я не думаю, что дело поездки удастся, потому что нет денег»⁴⁵. При содействии Кравчинского Плеханов отправился в Лондон, где состоялась его первая личная встреча с Ф. Энгельсом. «В 1889 г.,— писал впоследствии Плеханов,— я, побывав на международной выставке в Париже, отправился в Лондон, чтобы лично познакомиться с Энгельсом. Я имел удовольствие в продолжение почти целой недели вести с ним продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы»⁴⁶.

До этого Энгельс поддерживал наиболее тесные связи с П. Л. Лавровым, С. М. Кравчинским, Н. Ф. Даниельсоном и другими представителями русского народничества. Теперь же с момента его личной встречи с Плехановым и до конца жизни самые тесные дружественные отношения установились у Энгельса с русскими марксистами. Он не только помогал им в их работе по изданию переводов марксистских произведений, но и стал активно участвовать в моло-

дой русской марксистской печати. Приступая к изданию первого русского марксистского журнала «Социал-демократ», В. И. Засулич обратилась через Кравчинского к Ф. Энгельсу от имени редакции с просьбой о сотрудничестве. Результатом явилась статья Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (1890), опубликованная в первом номере этого журнала⁴⁷.

С начала 90-х годов для международного социалистического движения, для укрепления интернациональной солидарности пролетариата первостепенное значение имела борьба Энгельса против угрозы назревавшей опасности войны в Европе. Проблемам войны и мира им были посвящены в 1890—1893 гг. несколько крупных работ. Во всех этих работах Энгельс рассматривает борьбу против милитаризма и шовинизма как священный долг пролетариев всех стран. Вскрывая классовую сущность внешней политики царского самодержавия, которого Энгельс продолжал считать главным оплотом европейской реакции, он показывал огромную роль революционного движения в России как одного из важнейших факторов, препятствующих развязыванию войны, а в случае войны — как решающее условие общеевропейской революции. Статья Энгельса «Внешняя политика русского царизма» получила в 90-е годы широкое распространение в революционных кругах России. Вопрос о борьбе с опасностью войны и определении политики пролетариата в вопросах войны и мира обсуждался Брюссельским (1891), а затем Цюрихским (1893) международными социалистическими конгрессами. На Брюссельском конгрессе русские марксисты не участвовали, они ограничились лишь посылкой доклада. Плеханов считал важным в этом докладе подчеркнуть международное значение растущего рабочего движения в России и роль первых групп русских марксистов в борьбе с различными оттенками анархизма в России, в расчистке почвы для научного социализма⁴⁸.

На международном социалистическом конгрессе в Цюрихе, на котором присутствовал Энгельс, русским марксистам было оказано большое доверие. Доклад по вопросу о милитаризме был поручен Г. В. Плеханову⁴⁹. Это не было случайностью. На конгрессе, в частности, речь шла о военной опасности, исходившей прежде всего от русского царизма. Представитель русских марксистов с трибуны международного социалистического форума разоблачил контрреволюционную роль царизма как одного из оплотов международной реакции и военной опасности. Плеханов энергично поддержал резолюцию немецкой делегации и подверг решительной критике голландскую резолюцию как анархистскую тактику «пассивного сопротивления».

Энгельс имел ряд встреч с находившимися в Цюрихе русскими марксистами.

⁴⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 11—52.

⁴⁸ См. «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сб. VIII, ч. I, стр. 88—98.

⁴⁹ См. там же, стр. 132—139.

⁴³ Г. В. Плеханов. Соч., т. IV, стр. 54.

⁴⁴ «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода». М., 1925, стр. 21. О горячем желании Плеханова лично познакомиться с Энгельсом говорит ряд писем его к Степняку-Кравчинскому и его жене, приведенных Е. Таратугой в ее интересной статье: «Фридрих Энгельс и С. М. Кравчинский» («Наука и жизнь», 1965, № 7, 8, 9).

⁴⁵ «Группа «Освобождение труда» (Из архивов Г. В. Плеханова)», сб. I. М., 1923, стр. 147.

⁴⁶ Г. В. Плеханов. Соч., т. XI. М., 1923, стр. 21—22.

Конгресс прошел под знаком победы марксизма над анархизмом. Однако анархизм до конца не был разбит. В связи с этим назрела потребность в специальной работе, посвященной истории анархизма и его сущности. Выполнение этой работы было поручено Плеханову. Так появилась его книга «Анархизм и социализм» (1894), получившая широкое распространение во всей Европе и изданная почти на всех европейских языках. Работа сыграла серьезную роль в борьбе с анархизмом, хотя не была лишена серьезных недостатков, на которые впоследствии указывал Ленин⁵⁰.

О поддержке Энгельсом русских марксистов на международной арене говорит его письмо в редакцию болгарского сборника «Социал-демократ» от 9 июня 1893 г. «Требования, предъявляемые интернационализмом, — писал Энгельс, — растут с каждым годом. До 1848 г. можно было удовлетворяться тем, что в известной мере знаешь основные языки Западной и Центральной Европы, теперь же дело дошло до того, что мне на старости лет приходится еще изучать даже румынский и болгарский языки, чтобы следить за продвижением социализма на Восток и Юго-Восток. И тем не менее, мы на Западе от души радуемся этим нашим юго-восточным форпостам на границе Азии, которые несут к берегам Черного и Эгейского морей развернутое Марксом знамя современного пролетариата — о, если бы Маркс сам дожил до этого!»⁵¹

Энгельс одобрял деятельность молодых болгарских марксистов, «которые на приманки и угрозы русского царизма отвечают тем, что царским прокламациям противопоставляют социалистические произведения передовых борцов русского пролетариата», отметив при этом, что он «очень рад был видеть перевод работ Плеханова на болгарский язык»⁵².

Русские марксисты отвечали Энгельсу еще при его жизни глубочайшим уважением и благоговением. Необыкновенное обаяние и человечность, отличавшие Энгельса, привлекли к нему сердца оказавшихся на чужбине молодых марксистов России и других славянских стран. Энгельс до конца своих дней вдохновлял первое поколение русских марксистов на неустанную борьбу за идеи научного социализма.

В связи с десятилетием со дня смерти Маркса Г. В. Плеханов направил в Лондон Ф. Энгельсу следующую телеграмму: «Социалисты различных национальностей, собравшиеся 14 марта почтить память великого мыслителя и гения Карла Маркса, приветствуют в Вашем лице сотрудника его великого дела и выражают Вам глубокое чувство благодарности. Плеханов, Раковский, Эригье, Валицкий»⁵³.

⁵⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 103.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 424.

⁵² Там же.

⁵³ «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 648

Лично от себя Плеханов не решался написать Энгельсу со времени своей памятной с ним встречи в 1889 г. Лишь после того как Энгельс запросил у Плеханова его адрес, Плеханов 25 марта 1893 г. написал ему свое первое письмо, которое начиналось: «Дорогой и уважаемый учитель!.. Не писал я Вам первый только потому, что не хотел Вас беспокоить и отнимать у Вас время. Моя мечта в настоящую минуту — поездка в Лондон, где я смогу с Вами увидеться и поговорить о положении в России и о моих теоретических работах. Но я еще не знаю, когда мне удастся осуществить эту мечту. Дни, проведенные в Лондоне в Вашем обществе, останутся самыми счастливыми в моей жизни». И далее в том же письме: «Мне передавали, что Вы написали несколько благожелательных слов Каутскому по поводу моей статьи о Гегеле. Если это верно, я не хочу других похвал. Все, чего я желал бы, это быть учеником, не совсем недостойным таких учителей, как Маркс и Вы»⁵⁴. Этим письмом было положено начало интенсивной переписке между Ф. Энгельсом и Плехановым, которая продолжалась до смерти великого друга Маркса. Плеханов подробно информировал Энгельса о положении в России. Значительное место в переписке занимали проблемы борьбы с либеральными народниками В. П. Воронцовым, Н. К. Михайловским.

Осенью 1894 г. Г. В. Плеханову удалось вновь побывать в Лондоне и вновь часто встречаться с Энгельсом. В эти дни Энгельс предоставил Плеханову возможность ознакомиться с имеющимися у него дома редкими изданиями, в частности с «Neue Rheinische Zeitung». Тогда же Плеханов смог познакомиться с материалами из литературного наследия Маркса, которое также хранилось у Энгельса, и с ранними работами самого Энгельса. Плеханов, чувствуя себя смущенным тем, что своими занятиями мог причинить Энгельсу беспокойство, писал ему в одном из писем: «Задачей всей моей жизни я считаю пропаганду Ваших и Маркса идей. А значит мне нужно хорошо знать эти идеи. Я надеюсь, что Вы примете во внимание это смягчающее обстоятельство»⁵⁵.

Энгельс высоко оценивал марксистские труды Г. В. Плеханова. О его философской работе «К шестидесятой годовщине смерти Гегеля», опубликованной в теоретическом органе немецкой социал-демократии «Neue Zeit», Энгельс в письме к Каутскому 3 декабря 1891 г. писал: «Статьи Плеханова превосходны»⁵⁶.

⁵⁴ Там же, стр. 648—649.

⁵⁵ Там же, стр. 704. Плеханов в это время работал над своим крупнейшим философским произведением «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». В. И. Засулич в бытность свою в Лондоне писала Энгельсу в конце января 1895 г.: «Я прошу написать мне, когда Вы сможете без особого беспокойства для Вас уделить мне полчаса. Я принесу с собой книгу Георгия, о которой он Вам говорил. Нам пишут, что в С.-Петербурге она производит фурор» (там же, стр. 718).

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, стр. 205.

Энгельс глубоко интересовался работой Плеханова о Н. Г. Чернышевском. «Заранее благодарю Вас за экземпляр Вашего «Чернышевского», жду его с нетерпением»⁵⁷, — писал он Плеханову 21 мая 1894 г.

Энгельс воздерживался от открытой полемики в русской печати между народниками и марксистами прежде всего из-за отсутствия времени тщательно изучить разные аспекты спора⁵⁸. Кроме того, Энгельс полагал, что эту полемику должны довести до конца прежде всего сами русские марксисты. «Совершенно согласен с Вами, — писал он Засулич 3 апреля 1890 г., — что необходимо везде и всюду бороться против народничества — немецкого, французского, английского или русского. Но это не меняет моего мнения, что было бы лучше, если бы те вещи, которые пришлось сказать мне, были сказаны кем-либо из русских»⁵⁹. Не считая целесообразным вмешиваться в эту борьбу в форме открытого выступления, Ф. Энгельс неизменно оказывал содействие русским марксистам. Не говоря уже о его трудах, направленных против анархизма и утопического социализма, он настойчиво доказывал в письмах представителям народничества той поры несостоятельность их взглядов на вопрос о судьбах капитализма в России.

Критиком Энгельсом народнических представлений о крестьянской общине как базе социализма, основе будущего экономического развития России мы находим в его многочисленных письмах к Н. Ф. Даниельсону — виднейшему экономисту-народнику 70—90-х годов, переводчику «Капитала» Маркса.

Энгельс оказал огромное содействие русским социал-демократам в отражении похода против них либеральных народников и их органа «Русское богатство»⁶⁰.

Как видно из его переписки с Плехановым, он внимательнейшим образом следил за идейной борьбой русских марксистов. В ответ на письмо Плеханова от 20 февраля 1895 г. о нападках в «Русском богатстве» (№ 1 за 1895 г.) на книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс в письме от 26 февраля 1895 г. писал: «У меня нет времени прочитать критику, которую дает «Русское Богатство» на мою книгу. Я уже достаточно прочел по этому поводу в январском номере за 1894 год»⁶¹. Что касается Даниельсона, — продолжал Энгельс, — боюсь, что с ним ничего не поделаешь... Совершенно невозможно полемизи-

ровать с тем поколением русских, к которому он принадлежит и которое все еще верит в стихийно коммунистическую миссию, якобы отличающую Россию, истинную Святую Русь, от других неверных народов»⁶².

Большую идейную, моральную поддержку Энгельс оказал русским марксистам своими работами, посвященными социальным отношениям в России, изданными группой «Освобождение труда» под названием «Фридрих Энгельс о России». Перевод с немецкого был осуществлен В. И. Засулич. В брошюре вошли пятая статья Энгельса из серии «Эмигрантская литература», выпущенная в 1875 г. в Лейпциге отдельной брошюрой под названием «О социальном вопросе в России», к которой Энгельс написал в том же 1875 г. специальное «Введение». В 1894 г. Энгельс к этой брошюре написал большое «Послесловие» и эта работа в целом вышла под указанным названием «Фридрих Энгельс о России».

В «Послесловии» Энгельс подводит итог развитию своих и Маркса взглядов на судьбы русской общины. Эта работа целиком направлена против народничества. При этом Энгельс в этой работе объясняет, в силу каких причин он смотрит теперь, в 1894 г., на социально-экономические отношения в России иначе, чем смотрел Маркс и он сам в конце 70 — начале 80-х годов. Тогда, писал Энгельс, «свержение царизма казалось близким; революция в России должна была лишить всю европейскую реакцию ее сильнейшего оплота, ее великой резервной армии, и тем самым дать также новый могучий толчок политическому движению Запада, создав для него вдобавок несравненно более благоприятные условия борьбы. Неудивительно, что Маркс в своем письме советует русским не особенно торопиться с прыжком в капитализм»⁶³.

Как же обстоит дело теперь, в 1894 г., когда ясно, что революция не произошла, что царизм восторжествовал над народолюбцами, что за прошедшее время развитие капитализма и разложение общины шагнули вперед и «в короткое время в России были заложены все основы капиталистического способа производства... Сетовать на это теперь — бесполезно»⁶⁴. Отсюда генеральный вывод — упования на общину бесперспективны. В России утвердился капитализм со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими и политическими последствиями.

Мимо Энгельса не прошла и апологетика П. Струве развития капитализма в России. «В берлинском «Sozialpolitisches Centralblatt» некий г-н П. фон Струве опубликовал о Вашей книге большую статью...»⁶⁵, — писал Энгельс Даниельсону 17 октября 1893 г. Соглашаясь с автором в одном пункте, а именно в том, что раз-

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 210.

⁵⁸ См. там же, стр. 271—273.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 316.

⁶⁰ О походе либеральных народников против русских марксистов Энгельсу было известно из разных источников. «Русское богатство» объявило марксизму войну не на жизнь, а на смерть», — сообщил 10 мая 1894 г. Энгельсу Б. Н. Кричевский (см. «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 678).

⁶¹ Энгельс имел в виду статью Н. К. Михайловского «Литература и жизнь», в которой подвергалась критике теория исторического материализма.

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 344.

⁶³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 449.

⁶⁴ Там же, стр. 450.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 128.

витие капитализма в России неизбежно, Энгельс решительно отверг апологетическое суждение о русском капитализме. «Струве,— писал Энгельс,— решительно не прав, когда... говорит, что пагубные последствия современного капитализма в России будут преодолены так же легко, как и в Соединенных Штатах»⁶⁶. Энгельс при этом вскрывает различие условий развития капитализма в США, которые «буржуазны уже с самого их зарождения», и царской России, где из-за громадных пережитков крепостничества капитализм обрекает страну на мучительный путь развития, а трудящихся на громадные страдания.

Энгельс отверг также попытку Струве представить Маркса сторонником мальтузианства. «Что хочет сказать г-н Струве, говоря, будто Маркс *дополняет* теорию народонаселения Мальтуса, но не *опровергает* ее,— этого я не понимаю»,— писал Энгельс Даниельсону 9 января 1895 г. Энгельс показал, что Маркс категорично отверг в «Капитале» мальтузианство и что вся последующая история развития производительных сил подтвердила правоту Маркса⁶⁷.

Одновременно с критикой П. Струве Энгельс показывал несостоятельность народнических упований на некапиталистический путь развития России к социализму.

Следует обратить внимание на то, что только молодой Ленин одновременно с Энгельсом заметил опасность струвизма. Члены группы «Освобождение труда» этой опасности еще не видели.

Критика Энгельсом либерального народничества, с одной стороны, и «легального марксизма»— с другой, непосредственно перекликается с ленинской критикой, относящейся к тому же периоду 1893—1895 гг. Как в этом, так и в критике струвизма взгляды Энгельса и Ленина полностью совпадают.

Большую помощь Ф. Энгельс оказал группе «Освобождение труда» в ее принципиальных столкновениях с Б. Кричевским — одним из будущих лидеров «экономизма», первого оппортунистического течения в русском марксизме. Противопоставляя себя группе «Освобождение труда», Б. Кричевский пытался перехватить у нее инициативу перевода работ творцов научного социализма. В ответ на письмо Плеханова от 16 мая 1894 г. Энгельс сообщил ему 21 мая, что он послал Кричевскому в заказном письме протест против предпринятых последним переводов работы К. Маркса «Наемный труд и капитал» и его, Энгельса, статьи «Об общественных отношениях в России». Это письмо, видимо, не сохранилось, но из черновика второго письма, написанного Энгельсом в конце июля в ответ на объяснения Кричевского, видно, как решительно он протестовал против неблагоприятных приемов борьбы Кричевского с группой «Освобождение труда»⁶⁸.

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 128.

⁶⁷ Там же, стр. 309.

⁶⁸ См. там же, стр. 208.

Энгельсу было известно о существовании не только заграничной группы русских марксистов, но и о некоторых группах, переходных от народничества к марксизму или уже сложившихся марксистских группах в самой России. Об этом его информировали Плеханов и Засулич. Об отдельных же группах он знал непосредственно от их представителей. Энгельс был знаком с деятельностью московского «Общества переводчиков и издателей» — революционной студенческой организации, участники которой в поисках научной теории социализма ставили своей первой и ближайшей целью серьезную теоретическую подготовку. Этим определялась и непосредственная задача их практической деятельности — перевод и издание новейшей отечественной и зарубежной социалистической литературы. В ряду осуществленных им изданий научно-социалистической литературы наиболее крупными были труды Энгельса. Кроме совместной работы Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии» были изданы из работ Энгельса «Анти-Дюринг» (в сокращенном виде), «Жилищный вопрос», «Развитие социализма от утопии к науке». Эта последняя работа в издании московского «Общества переводчиков и издателей» получила широкое распространение во многих городах России⁶⁹.

Московская группа предприняла издание неперидических сборников «Социалистическое знание». Основное место в первом сборнике заняли: введение и первые три главы книги Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и его работа «Социализм утопический и социализм научный». Если вторая работа Энгельса была одновременно переведена В. Засулич, то первая была первым и долгое время оставалась единственным переводом на русский язык. Комментарии и примечания «переводчиков» к публикуемым произведениям Энгельса проникнуты стремлением довести до читателя революционное и научное существо его взглядов. К работе «Положение рабочего класса в Англии» «переводчики» написали введение: «Вместо предисловия». Это была краткая характеристика роли Энгельса как основоположника научного социализма. В русской литературе при жизни Энгельса это была первая попытка научной биографии великого друга Маркса.

Летом 1884 г. московская певица и собирательница русских народных песен Е. Э. Паприц, связанная с «Обществом переводчиков и издателей», прибыла в Лондон, где обратилась 26 июня 1884 г. с письмом к Ф. Энгельсу. В этом письме Е. Паприц резко критически оценила русскую утопическую социалистическую литературу, а также и практику революционного народнического движения. Энгельсу не приходилось до того слышать, даже после писем В. И. Засулич, такой острой критики состояния русской народнической социалистической мысли, такого самобичевания. Сообщая далее о деятельности московской группы, она просила

⁶⁹ См. Ю. З. Полевой. Зарождение марксизма в России. М., 1959, стр. 340—341.

Энгельса назвать малоизвестные статьи его и Маркса, которые были ранее опубликованы. Далее Паприц сообщала, что она переводит «Наброски к критике политической экономии» Энгельса и просила достать для нее «Анти-Дюринг». «Прошу Вас, — писала она в заключение письма, — не откажите нам в помощи. Мы действительно самым искренним образом хотим учиться, так как глубоко убеждены, что невежество не ведет ни к чему хорошему и только наука может осветить нашу дорогу»⁷⁰.

Энгельс в тот же день 26 июня ответил на письмо Е. Паприц. Прежде всего он очень деликатно отчитал Паприц за ее нелестный отзыв о научных достоинствах отечественной революционно-демократической литературы.

Далее он указал, что даже среди революционеров-практиков учение Маркса встречается понимание и симпатию, отметив деятельность группы «Освобождение труда» по переводу ряда изданий Маркса и его. По скромности Энгельс заявил, что сомневается в целесообразности перевода на русский язык его работы «Очерки критики политической экономии», опубликованной в «Deutsch-Französische Jahrbücher» (1844). Он сообщил, что высылает экземпляр «Анти-Дюринга» и готов выслать «Гражданскую войну во Франции» Маркса. Энгельс тем самым высказал готовность содействовать и этой группе.

Выражая свое сожаление по поводу невозможности из-за болезни посетить Паприц, Энгельс пригласил ее посетить его. В то время, когда Е. Паприц находилась за границей, «Общество переводчиков и издателей» было разгромлено московскими властями и прекратило свою деятельность.

Обращение к Ф. Энгельсу отдельных кружков передовой молодежи России стало нередким явлением с середины 80-х годов. Ряд телеграмм был получен им в связи со смертью К. Маркса. Кроме телеграммы от общества русских социалистов-эмигрантов, подписанной Плехановым, Лопатиным и Бардиной, Энгельсом были получены телеграммы от студентов Петровской академии в Москве, студентов Технологического института и русских марксистов в Петербурге⁷¹.

С начала 90-х годов, когда в самой России появились марксистские группы, к Энгельсу стали все чаще обращаться представители русской марксистской молодежи. Весной 1893 г. с рекомендательным письмом Плеханова к Энгельсу в его лондонскую квартиру явился Алексей Воден. В первой беседе с ним, как видно из мемуаров Водена, Энгельс выразил высокое мнение о таланте Плеханова. Вместе с тем Энгельс высказал пожелание, чтобы именно Плеханов всерьез занялся основным для России аграрным вопросом. Как известно, этим вопросом всерьез занялся не Плеханов, а В. И. Ленин. Во

время второй беседы Энгельс одобрил речь Плеханова на Парижском социалистическом конгрессе, вызвавшую неудовольствие народо-вольцев, но выразил предположение, что «полемика с народо-вольцами могла бы вестись не столь резко» и что «отождествлять Тихомирова с народо-вольцами — хотя бы с г. Лопатиным — нельзя».

В следующей беседе, касаясь философских разногласий Плеханова с народниками, Энгельс сказал, что «он с интересом прочитал бы «sachliche» (по существу) возражения против народников-субъективистов в «Neue Zeit»». В последней беседе Энгельс просил его передать Плеханову, что он «не одобряет стремления без крайней надобности обострять конфликт с революционными народниками, что он (Энгельс) не может симпатизировать намерению поскорее добиться осуществления в России противопоставления: здесь — правоверные марксисты, там — только оттенками различающаяся «реакционная» масса, считая такое предельное противопоставление политически нецелесообразным для России в 1893 году»⁷².

В начале 90-х годов в связи с голодом, когда почти половина Европейской и часть Азиатской России были поражены страшным бедствием, в стране вновь оживилось общественное движение. В этих условиях стали предприниматься попытки примирения различных течений демократического движения для борьбы с царизмом. Народо-вольцы считали, что голодом создана благоприятная обстановка для свержения «социалистической интеллигенцией» государственного строя, и упрекали марксистов в том, что они отрекаются от революции. Однако русские марксисты в этот период идейного размежевания между ними и народническим потоком не считали целесообразным стать на этот путь. В то же время практики социал-демократы на местах нашли преждевременным призыв Плеханова к широкой всенародной агитации в условиях, когда социал-демократические кружки были еще слабы и малочисленны, и на первый план выдвигалась пропаганда идей марксизма в узком кругу передовых рабочих.

Лавров и другие, близко знакомые с Энгельсом деятели революционного народничества, видимо, жаловались ему на неуступчивость Плеханова. Энгельс считал возможными по тактическим соображениям совместные политические усилия народников и марксистов в борьбе с царизмом. Плеханов и его единомышленники, лучше Энгельса осведомленные о положении в России, знали, что «Народная воля» агонизирует, и были поэтому сдержанны в смысле склонности к совместным выступлениям. В условиях начала 90-х годов правда была на стороне Плеханова. Но в плане исторической перспективы идея совместных выступлений марксистов и народников против самодержавия, отстаиваемая Энгельсом, была исключительно плодотворна. Эту идею позднее развил Ленин как идею блока представителей пролетарской демократии с выра-

⁷⁰ «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 502.

⁷¹ См. там же, стр. 481, 486.

⁷² «Летопись марксизма», 1927, № IV, стр. 92, 94.

зителями интересов крестьянской демократии. В условиях первой русской революции ее отстаивали большевики во главе с В. И. Лениным против меньшевиков во главе с Плехановым и Аксельродом.

Заслуживает внимания переписка Энгельса с одним из первых русских социал-демократов И. А. Гурвичем по поводу посланных им Энгельсу своих работ «Экономическое положение русской деревни» и «Крестьянский вопрос в полицейском государстве»⁷³. Ответ Энгельса на письма Гурвича показывает, как глубоко он интересовался аграрно-крестьянским вопросом в России⁷⁴. По этому же поводу Энгельсу писал И. П. Гольденберг (Мешковский)⁷⁵.

В жестоких условиях преследований со стороны царизма связь с Энгельсом представителей русской марксистской и вообще революционной молодежи России осуществлялась через ее представителей, которые находились за границей. В этой связи интерес представляет переписка с великим другом Маркса русского марксиста В. Я. Шмуилова, находившегося в Дрездене. Его письма дышат исключительной теплотой и благоговением перед старым Энгельсом⁷⁶. Поводом обращения к Энгельсу была просьба известного петербургского издателя Павленкова выпустить в свет в серии «Жизнь замечательных людей» подробную биографию К. Маркса. Энгельс, крайне занятый подготовкой третьего тома «Капитала», ответил Шмуилу большим письмом, в котором дал ему ценнейшие советы⁷⁷.

В числе единичных групп в самой России, которые занялись в 80-х годах изданием произведений Маркса и Энгельса, была казанская группа во главе с Н. Е. Федосеевым. Произведения Энгельса оказали на формирование марксистских взглядов этой группы особое влияние. «Моя духовная родина — Казань.... Мой духовный отец — Фридрих Энгельс, научивший меня своим «Развитием научного социализма» прилагать идеи Маркса к России. Это было на рубеже 1888—1889 гг., и тогда же, вооруженный Энгельсом, я помог Н. Е. Федосееву покончить с народничеством»⁷⁸, — вспоминал А. Санин, один из первых марксистов Казани. Это произведение Энгельса произвело сильное впечатление на Н. Е. Федосеева и других членов его кружка. Кроме «Капитала», «Нищеты философии» Маркса и «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, кружок Федосеева располагал трудами Энгельса «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Федосеев и его единомышленники готовились перевести

на русский язык и издать «Нищету философии», «К критике политической экономии» и работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке», «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В первую очередь они издали «Развитие научного социализма» Энгельса, на который был особенно большой спрос среди русской революционной молодежи.

Молодой Владимир Ильич Ульянов, начавший свою революционную деятельность в казанских кружках Федосеева, был знаком с этим солидным по тому времени в революционном подполье кругом марксистской литературы и, в частности, с указанными работами Маркса и Энгельса.

Из первой крупной работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» (1894) видно, что он был знаком со всеми вышедшими к тому времени в свет на языке оригинала и в русском и французском переводах произведениями Маркса и Энгельса.

О глубине знаний В. И. Лениным трудов классиков марксизма уже к середине 90-х годов XIX в. убедительно говорит статья-некролог «Фридрих Энгельс» (написанная Лениным во время пребывания за границей летом 1895 г.). Во время этой поездки Ленин встретился с видными деятелями международного рабочего движения П. Лафаргом, В. Либкнехтом, Г. В. Плехановым. Ленин мечтал о встрече с Ф. Энгельсом. Но Энгельс был уже очень болен. Известие о его кончине застало Ленина в Берлине. Здесь он начал готовить свою статью, которая вместе с портретом Фридриха Энгельса была напечатана в № 1 — 2 сборника «Работник». Эпиграфом к статье Ленин взял слова из стихотворения Н. А. Некрасова «Памяти Добролюбова»:

Какой светильник разума угас
Какое сердце биться перестало!

В этой статье В. И. Ленин дал глубокую и всестороннюю оценку Энгельса как самого крупного после Маркса вождя и учителя пролетариата. Это была первая в международной литературе работа, в которой обстоятельно и с подлинно научной глубиной была показана роль великого друга Маркса в разработке теории научного коммунизма и в руководстве мировым рабочим движением.

После Маркса «Энгельс был, — писал Ленин, — самым замечательным ученым и учителем современного пролетариата во всем цивилизованном мире»⁷⁹. В предельно сжатой, но исключительно содержательной статье-некрологе Ленин выяснил все важнейшие этапы замечательного жизненного пути Энгельса — теоретика научного коммунизма, вождя мирового коммунистического движения. Вместе с тем Ленин отметил исключительную скромность Энгельса и его беспредельную любовь к Марксу. «Старинные пре-

⁷⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 5.

⁷³ «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 650.

⁷⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 65—66.

⁷⁵ См. «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 659.

⁷⁶ Там же, стр. 639—643.

⁷⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, стр. 20—22.

⁷⁸ А. Санин. «Самарский вестник» в руках марксистов. — «Пролетарская революция». М., 1924, № 12 (35), стр. 276.

дания, — писал Ленин, — рассказывают о разных трогательных примерах дружбы. Европейский пролетариат может сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе. Энгельс всегда — и, в общем, совершенно справедливо — ставил себя позади Маркса... Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны. Этот суровый борец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу»⁸⁰.

Статья В. И. Ленина «Фридрих Энгельс» положила начало новому этапу в историографии марксизма, в частности по вопросу об отношении Маркса и Энгельса к России, к русскому освободительному движению. «Маркс и Энгельс, — писал в этой статье Ленин, — оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами... Маркс и Энгельс ясно видели, что и для западноевропейского рабочего движения политическая революция в России будет иметь огромное значение»⁸¹.

Ленин отметил, что после смерти Маркса, когда Энгельс один продолжал быть советником и руководителем международного рабочего движения, к нему обращались одинаково представители марксистских организаций разных стран, в том числе и первые русские марксисты, «которым приходилось обдумывать и взвешивать свои первые шаги. Все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса»⁸².

В течение 12 лет Энгельс наблюдал распространение марксизма и рост рабочего движения в России. Ему не суждено было дожить до русской революции, но он дожился до тех дней, когда громко зазвучали шаги российского пролетариата. Летом 1895 г., за несколько месяцев до смерти Энгельса, Плеханов с волнением писал ему: «Революционное движение никогда еще не было таким сильным за последнее десятилетие... В России становится жарко. Со to będzie, со to będzie! («Что-то будет, что-то случится!») (Мицкевич «Дяды»). *Ред.*»⁸³. Это было начало соединения социализма с рабочим движением в России, которое стала осуществлять созданная В. И. Лениным революционно-марксистская организация Петербурга «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Энгельс закончил свой жизненный путь, когда начался пролетарский период освободительного движения, который завершился победой Великой Октябрьской социалистической революции.

⁸⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 12.

⁸¹ Там же, стр. 13—14.

⁸² Там же, стр. 13.

⁸³ «К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия», стр. 736.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адлер В. 52
 Айхлер В. 164
 Аксельрод Н. 416
 Аксельрод П. Б. 352, 418, 428
 Александр I 27
 Александр II 50, 269, 356
 Александр III 356, 357, 413
 Алисон А. 46, 47
 Андреевский И. Д. 283
 Антонов В. Ф. 342
 Аптекер Г. 21
 Аристотель 85
 Арндт Э.-М. 17, 19, 29, 30
 Арнольди см. Лавров П. Л.
 Арон Р. 143
 Архангельский С. И. 122
 Аугустенбург, принц 79
 Аушфильд У. 143, 172, 174, 179
- Бабеф Г. 39, 40, 148
 Бабст И. К. 334
 Багатурия Г. А. 35
 Базанкур С. 270
 Бакунин М. А. 149, 244—246, 249—252, 254, 255, 261, 274, 288—290, 335, 338, 340, 352, 363—365, 371—374, 404
 Бальзер Ф. 143, 161, 165
 Барг М. А. 123
 Бардина С. И. 372, 426
 Барклай-де-Толли М. Б. 271
 Бартель Х. 173, 175—177
 Батюшков К. Н. 281
 Бауэр Б. 17, 21, 31, 32, 44, 83, 89, 90
 Бауэр Г. 162, 163
 Бауэр Э. 44
 Бах И. А. 35, 40
 Бах И.-С. 15
 Бахофен И.-Я. 398
 Бебель А. 60, 76, 169, 172, 174—176, 178, 201, 348, 352, 358, 361, 383
 Бегайм Г. 130
 Беда Достопочтенный 86
 Бейнс Э. 46
 Беккер Г. 157
 Беккер И. 155
- Беккер И.-Ф. 338, 345, 349
 Бенари Ф. 31
 Беннигсен фон 271
 Бенгам И. 42
 Бернал Осборн Р. 78
 Бернс Г.-Ю. 81
 Бернс Д. 391
 Бернхарди Т. 266
 Бернштейн Э. 58, 59, 150, 168, 175, 197, 358, 384, 407
 Бестор А.-Ю. 235—237
 Бетховен Л. ван 15
 Бёрне Л. 8, 17, 19, 26
 Бисмарк О. 50, 54—56, 58, 77, 78, 137, 150, 151, 173, 176—178, 302
 Биттель К. 157
 Блан Л. 161
 Блас В. 160
 Блюнчли И.-К. 38
 Блюменберг В. 166, 169, 170
 Бобров С. С. 281
 Богданович И. Ф. 281
 Бокль Г. Т. 369
 Бональд Л.-Г. 28
 Боркенау 143
 Боркхейм С.-Л. 245, 246
 Борн С. 156, 160, 161, 165
 Боуринг 280, 281
 Бракке В. 174—176, 178
 Брежнев Л. И. 180
 Бриссбейн А. 237
 Брюа Ж. 9
 Бунгер С. 195
 Буонарроти Ф. 39
 Бьюкенен Д.-Р. 239
 Бюре Э. 45
- Вайнштейн О. Л. 28
 Вайян Э. 370
 Валанский Т. 265
 Валицкий 420
 Валк С. Н. 324
 Ван-Паттен Ф. 223
 Вебер Б. Г. 18, 28
 Вейдемейр И. 220, 266, 272, 331
 Вейтлинг В. 40, 145—149, 230

Ламенне Г. 147
Ланкестер Э. 387
Лассаль Ф. 19, 58, 137, 156, 164,
165, 167—170, 174
Лафарг Л. 223, 224, 390, 391, 413,
414
Лафарг П. 246—247, 260, 367, 387,
397, 402, 409, 414, 416, 417, 429
Леббок 370
Левин Ш. М. 284, 287, 295, 322
Левиова С. З. 153, 155, 157
Левицкий Я. А. 123
Ледвич 116
Лейпольд Г. 14
Лекки У. 370
Ленин В. И. 5, 7, 9, 22, 49, 50, 57,
76, 159, 179, 189, 193, 196—198,
201, 202, 206, 207, 210, 212, 213,
215, 216, 223, 228, 257—259, 261,
262, 283—285, 289, 290, 295, 298,
299, 319, 321, 325, 327, 341, 350,
356, 402, 410, 420, 424, 426, 428—
430
Ленч П. 50
Лео Г. 28, 30—32
Лессинг Г.-Э. 137, 243
Лесснер Ф. 163
Либкнехт В. 150, 167, 169, 170, 172,
173, 176, 178, 344, 349, 387, 429
Либшверт В. 11
Лизогуб Д. А. 346
Линкольн Т.-Д. 271
Лихтман Р. 21
Лич Д. 46
Ллойд Г.-Д. 228
Ловетт У. 185, 382
Ломоносов М. В. 281
Лонге Ж.—См. Маркс (Лонге)
Лонге Ш. 370, 387
Лопатин Г. А. 336—338, 342, 344,
346, 347, 354, 358—361, 369—374,
378, 401, 407, 411, 426, 427
Лорис-Меликов М. Т. 356
Луи Филипп 33
Луначарский А. В. 137
Людовик XI 129
Людовик XIV 309
Людовик XVI 357
Лютер М. 26, 43
Лютцельбергер Э. 31

Мадзини Д. 370
Майер Г. 9, 33
Макдоннель Д.-П. 221
Мак-Куллох Д.-Р. 46
Мак-Ленан 398
Мальшев А. М. 283
Мальборо 116
Мальтус Т.-Р. 46, 424

Марат Ж.-П. 26
Марков В. 9
Маркс К. passim
Маркс (Лонге) Ж. 117, 357, 405
Маркс-Эвелинг Э. 204, 205, 224, 227,
383, 387—390, 401
Мартино Г. 232, 233
Мартов Л. 257
Маурер Г.-Л. 84, 85, 93, 99, 102
Махачкова В. 19
Мезенцов Н. В. 347
Мейман М. М. 98
Мейн 370
Мендельсон-Бартольди Ф. 15
Менхен-Хельфен О. 157, 166
Меринг Ф. 136—138, 156, 174
Меровинги 103
Мерославский Л. 267, 335
Меса Х. 247, 248, 252, 253
Меттерних К. 151
Миклошич Ф. 276
Миллер С. 175
Минье Ф. 33, 37
Михайловский Н. К. 288—290, 295—
298, 321, 322, 332, 421, 422
Мицкевич А. 430
Молль И. 160, 162, 163
Мольтке Х.-К. 67, 268
Моммзен Т. 85
Моне Ф.-С. 129
Монрад Д.-Г. 73
Мора Ф. 247, 252
Монтескье Ш. 13
Мораго Т.-Г. 252
Морган Л.-Г. 83, 85, 93, 99, 397, 398
Моренец В. 289
Морозов Н. А. 349
Моррисон Ф. 116
Мосолов В. Г. 9
Мост И. 223
Моудсли Д. 189
Моцарт В.-А. 15
Мюллер А. 28
Мюнцер Т. 39, 132—135

Нааман Ш. 160, 162, 163
Наполеон I 18, 27, 29, 31, 40, 52,
55, 64, 151
Наполеон III 33, 50, 52—55
Нарочницкая Л. И. 63
Нассе Э. 99
Невский В. И. 284, 330
Некрасов Г. А. 63
Некрасов Н. А. 429
Нессельроде К. В. 71, 268
Нестор И. 263, 264
Неусыхин А. И. 98
Нечаев С. Г. 373
Нибур Б.-Г. 85

Никандров П. Ф. 288
Николаевский Б. 156, 157, 160, 162,
163, 166
Николай I 27, 50, 69, 261, 269
Николай — он см. Даниельсон
Николич 276
Нойс Д.-Г. 237
Нордхоф Ч. 236
Нэдежде И. 59

Оджер Д. 370
О'Донован Д. 116
Ойзерман Т. И. 9
О'Клери М. 116
О'Коннор Ф. 185
Олег, князь 263
Ольденбург, принц 78, 79
Ольховский Е. Р. 346
О'Нейл Ш. 124
Осборн см. Бернал Осборн
Освальд Д. 27
Освальд Ф. см. Энгельс Ф. 26
Осинский В. А. 346
Осипова Т. С. 121, 124, 126
Остророг Я. 264
Оуэн Р. 34, 185, 230—232, 235, 236,
238, 352, 387

Павел I 269
Павиа 255
Павленков Ф. Ф. 428
Пайпс Р. 403
Пальмерстон Г.-Д. 78
Паприц Е. Э. 294, 362, 425, 426
Парадизов П. 283
Паркинсон Р. 46
Пелисер Ф. 252
Перикл 12
Петр I 265, 266
Пн-и-Маргаль 247, 253, 255
Пиндар Э. 277
Пирумова Н. М. 244
Пифей 84
Пламенатц Д. 143
Плетнев П. А. 278, 279
Плеханов Г. В. 9, 189, 201, 257,
284, 301, 320, 325—327, 360, 361,
364, 400, 403—422, 424—430
Плиний 84
Плутарх 84
Погожев А. В. 302
Покровская С. А. 6
Полевой Ю. З. 284, 366, 425
Полибий 13
Полонская (Ошанина) М. Н. 359, 401
Посников А. 296
Поташ М. 284
Поццо-ди-Борго 268, 269
Прудон П.-Ж. 146, 161, 230, 277, 354

Пуанкарэ Р. 52
Пушкин А. С. 277—280, 282
Пфендер К. 163
Пютман Г. 233

Радтке М. 45
Раковский К. (Х. Г.) 420
Ранке Л. фон 18, 88
Рапп И.-Г. 235
Рапопорт Ю. М. 372
Раумер Ф. 18, 19
Реуэль А. Л. 283, 284, 321, 334
Резников А. Б. 182
Рёзер П.-Г. 157
Рикардо Д. 34, 43
Риттер Г. 173
Робеспьер М. 9, 26, 52
Родбертус 381
Роза Р. 220
Розанов Н. К. 283
Роотс Л. К. 63
Рот П.-Р. 84
Роттек К. 18
Ротштейн Ф. А. 63
Ру Ж. 9
Руге А. 36, 144
Румянцева Н. С. 259
Русанов Н. С. 334
Рындзюнский П. Г. 306, 310, 316, 318
Рязанов Д. Б. 33

Савиньи Ф.-К. 29, 88
Сазонов Н. И. 334
Саймонс Д.-К. 46
Самойло А. С. 122, 123
Саниаль Л.-Д. 221, 227
Санин А. А. 428
Сандвит Х. 270
Сапрыкин Ю. М. 119—121, 124—126
Светной Ф. 276
Свифт Л. 237
Сезар Де Папа 369
Селезнев К. Л. 27
Семенкова Т. Г. 289
Семенов В. Ф. 122, 123, 181
Сениор Х.-У. 46
Сен-Симон А., де 230
Сентиньон Г. 252
Серебряков М. В. 9, 33
Сказкин С. Д. 98
Смирин М. М. 130, 135
Смирнов А. Ф. 330
Смирнов В. Н. 346, 372
Смит А. 34, 43, 46, 279
Смит Г. 116
Смит Ф. И. 19, 267
Соколова М. Н. 98
Соколовский П. 296
Солин 86

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ МОЛОДОГО ЭНГЕЛЬСА (ПУТЬ К МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОМУ ПОНИМАНИЮ ИСТОРИИ) <i>Л. И. Гольман</i>	7
ЭНГЕЛЬС — ИСТОРИК МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ <i>Е. М. Жуков</i>	48
МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ШЛЕЗВИГ-ГОЛЬШТЕЙНСКОМ ВОПРОСЕ <i>Л. К. Роотс</i>	63
ТРУДЫ Ф. ЭНГЕЛЬСА ПО ИСТОРИИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ <i>Е. В. Гутнова</i>	81
ТРУДЫ Ф. ЭНГЕЛЬСА ПО ИСТОРИИ ИРЛАНДИИ В СОВЕТСКОЙ МЕДИЕВИСТИКЕ <i>Т. С. Осипова</i>	114
ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О ХАРАКТЕРЕ НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ГЕРМАНИИ В ЭПОХУ РАННЕБУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVI в. <i>М. М. Смирин</i>	128
РАЗРАБОТКА Ф. ЭНГЕЛЬСОМ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ГЕРМАНИИ И ЗНАЧЕНИЕ ЭТОГО ВКЛАДА ДЛЯ БОРЬБЫ ПРОТИВ БУРЖУ- АЗНЫХ И РЕФОРМИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ <i>Е. П. Кандель</i>	139
ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС — ИСТОРИК РАБОЧЕГО И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ АНГЛИИ <i>В. Э. Кунина</i>	181
АМЕРИКАНСКОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РАБОТАХ ЭНГЕЛЬСА <i>С. М. Аскольдова</i>	203

Ф. ЭНГЕЛЬС И УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ В США В 40-е ГОДЫ XIX в. <i>М. Н. Захарова</i>	230
О СТАТЬЕ Ф. ЭНГЕЛЬСА «БАКУНИСТЫ ЗА РАБОТОЙ» (ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ Ф. ЭНГЕЛЬСА С АНАРХИЗМОМ) <i>Н. М. Пирумова</i>	244
ИЗУЧЕНИЕ Ф. ЭНГЕЛЬСОМ РУССКОЙ ИСТОРИИ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В 50-х ГОДАХ XIX в. <i>Н. С. Румянцева</i>	259
Ф. ЭНГЕЛЬС И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ <i>Ф. М. Сулова</i>	283
ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС И РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ-РАЗНОЧИНЦЫ <i>В. А. Твардовская</i>	330
ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС И ПЕТР ЛАВРОВ <i>А. И. Володин, Б. С. Итенберг</i>	368
Ф. ЭНГЕЛЬС И НАЧАЛО МАРКСИЗМА В РОССИИ <i>Ю. З. Полевой</i>	403
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	431